



# ПИСАТЕЛЬ- ГУМАНИСТ

К 125-летию со дня рождения  
В. Г. Короленко

**К**ОРОЛЕНКО прожил свою жизнь удивительно ярко и талантливо. Лучшее его произведение — «История моего современника» — это рассказ о себе самом как о современнике своей бурной эпохи. У него был особый дар: он умел историю и жизнь общества воспринимать как личное свое дело. Детские его годы овеяны были ожиданиями близких перемен, толками о каких-то таинственных «золотых грамотах», о бунтах мужиков, об освобождении крестьян. Со всем этим слились отголоски польского восстания. Потом пришли новые веяния, связанные с борьбой за «землю и волю». Началось, говоря словами самого Короленко, незаметное просачивание струек «того наводнения, которое... унесло трон Романовых». Короленко был свидетелем, современником и участником этого процесса. Он участвовал в нем не как революционер, но и не как наблюдатель. У него всегда было «страстное желание вмешаться в жизнь, открыть форточку в затхлых помещениях, громко крикнуть, чтобы рассеять кошмарное молчание общества». Он считал себя «партизаном», призванным защищать «право и достоинство человека всюду, где это можно сделать пером».

Не удивительно, что в годы молодости он не раз подвергался преследованиям. Его ссылали за составление коллективного протеста студентов Петровской сельскохозяйственной академии, за «сообщество с главными революционными деятелями», за мнимую попытку

бега из ссылки, за мужественный отказ от присяги Александру III. Он отбывал ссылку в Вятской губернии, потом в Якутской области. Он сидел в тюрьмах Тобольска и Иркутска, в Нижегородской тюрьме, Петербургском доме предварительного заключения. Там была закончена повесть «В дурном обществе», в Вышневолоцкой пересыльной тюрьме написана «Чудная», на арестантской барже по дороге из Тобольска в Томск — очерк «Ненастоящий город». Когда первый рассказ Короленко — «Эпизоды из жизни искателя» — появился в печати, его автор был уже во второй ссылке. Так было в молодости. Но и в зрелые годы Короленко, уже известного писателя, привлекали к ответственности за разные «литературные преступления». При всем том Короленко никогда не считал себя ни жертвой, ни подвижником, он шел по своему пути спокойно, бодро и даже весело. Недаром Чехов сказал однажды, что не только идти рядом с Короленко, но и следовать за ним весело.

Прежде чем стать профессиональным писателем, Короленко освоил много иных профессий: он работал чертежником, корректором, табельщиком и письмоводителем на железной дороге, он пахал землю и шил сапоги. На 65-летнем юбилее Короленко известный критик А. Г. Горнфельд сказал: «Два больших русских писателя шили, стало быть, сапоги: Лев Толстой и Короленко. Но Толстой их шил для души, а Короленко шил для

ног. Шил без покаяния, деловито, ради заработка». Впрочем, не только ради заработка. «Дело это интересное и я им увлекался», — рассказывал он впоследствии.

Эти «увлечения», ссыльные странствия, встречи с самыми разнообразными людьми стали источником художественного творчества Короленко, они дали ему жизненный опыт и знание народной жизни. В молодости он, как и другие люди его поколения, готовился к хождению в народ, но по условиям своей биографии это хождение совершил на казенный счет. Он знал поэтому многое такое, чего не знали другие литераторы его времени, но зато иные самые простые и обыденные темы были для него затруднительны. В начале литературной деятельности Короленко один критик упрекнул его в том, что он предпочитает экзотические сюжеты, пишет о Сибири, о тайге, о каторжниках, о бродягах, но чуждается таких близких каждому читателю тем, как, скажем, переезд на дачу. Критик не мог себе представить, что переезд на дачу для Короленко гораздо более экзотическая тема, чем путешествие на арестантской барже.

«Экзотика» ранних рассказов Короленко сразу захватила читателей. «Это — еще одна розовая полоска на небе...» — воскликнул В. М. Гаршин. В этих рассказах проходили, сменяя друг друга, необычные люди: бродяги, мечтающие о «вольной волюшке», герои советские вроде правдоискателя Федора Силина из рассказа

«Убивец», протестанты разного рода, люди стихийной силы, пока что дремлющей, но готовой проснуться; нищие и воры, которые ведут себя, точно аристократы, и рассуждают, как мудрецы и философы; рыцари «гневной чести», люди, вступающие в борьбу с непреодолимыми, казалось бы, препятствиями, с непобедимыми противниками и одерживающие победы, если не физические, то нравственные. Они будили надежды и поднимали дух в период глухой, грубой реакции 80-х годов, о которой Салтыков-Щедрин сказал такие скорбные слова: «Истинно Вам говорю: несчастные люди мы, дожившие до этой страшной эпохи».

Мотивы, звучавшие в рассказах Короленко 80-х годов, сохранили свою живую силу и в последующее время, даже более того — с годами их значение усилилось. Все сильнее и сильнее чувствовалась в литературе и жизни потребность в героическом, и Короленко считал одной из главных задач литературы восстановление героического начала. Если его нет сейчас в жизни, пусть оно выступит в сознании художника как предчувствие, как надежда, как предвосхищение будущего. Героическим колоритом отмечены были у Короленко фигуры борцов, искателей правды из народной среды, но также и люди из среды передовой интеллигенции, выступающие за интересы народа, за благо и счастье каждого человека.

Публицистику Короленко считал органической частью своей литературной работы. Издавая в 1914 году собрание сочинений, он разделил каждый том на две приблизительно равные части — художественную и публицистическую. Как публицисту ему приходилось писать на разные темы — и очень крупные, и совсем мелкие, казалось бы, не достойные его пера. Он писал о неправильной нумерации домов в Нижнем Новгороде и о засыпке оврагов навозом, о злоупотреблениях в Дворянском банке — о чем угодно. И вместе с тем он создал потрясающей силы публицистические произведения, такие, как «Мултанское жертвоприношение», «Сорочинская трагедия», «Бытовое явление», «Черты военного правосудия». Он выступал в защиту удмуртских крестьян, обвиненных в

человеческих жертвоприношениях, и его вмешательство в это сфабрикованное полицией дело увенчалось спасением подсудимых от каторги и целого народа от страшного обвинения. Он выступил в защиту украинских крестьян, ставших жертвами карательных экспедиций. Он поднял голос против эпидемии смертных казней, сделавшихся бытовым явлением после поражения революции 1905 года. Лев Толстой написал автору «Бытового явления»: «Сейчас прослушал вашу статью о смертной казни и всячески во время чтения старался, но не мог удержаться — не слезы, а рыдания... Ее надо перепечатать и распространять в миллионах экземпляров». Короленко писал о голодающих деревнях, о жестоких всяческого начальства, крупного, мелкого и мельчайшего, о повседневных тяжестях жизни и при всем том он верил, что «впереди огни». Иные находили эту веру идеалистической и наивной, иные считали, что короленковские «огоньки» намекают на нечто небольшое и в принципе недостижимое, вроде либеральных реформ. Но Короленко думал иначе. Он знал, что впереди борьба и борьба, и жертвы, и победы, и поражения. Дело, однако, в том, говорил он, что «за ближайшим достижимым — для меня не стена, а бесконечность».

Эта вера давала ему жизненную устойчивость. Владимиру Короленко случалось ошибаться, но он никогда не шел на сделки с совестью и ни разу не покривил душой. Чехов имел все основания сказать Короленко: «Вы... серьезны, крепки и верны». Это было сказано, когда путь Короленко еще далеко не был закончен. После его смерти в декабре 1921 года на IX съезде Советов Феликс Кон произнес речь памяти ушедшего писателя. Напомнив некоторые яркие эпизоды его биографии, он сказал: «Вот чем велик Короленко. У него всегда хватало гражданского мужества бросать правду в глаза и отстаивать свою правду, как он ее понимал». В заключение оратор предложил делегатам съезда почтить память «этого погибшего борца, этого поборника правды, верного себе до конца жизни»...

Г. БЯЛЫЙ,  
доктор филологических наук

Лит. газета, 1978, 2 авг